

Содержание

Предисловие	7
Сон 1. Площадь Героев	13
Сон 2. Вот эта девушка	30
Сон 3. Начало	41
Сон 4. Золотое руно	47
Сон 5. Апокриф Гражины	54
Сон 6. Красное и зеленое	63
Сон 7. Призрачная орхидея	73
Сон 8. Пожар	78
Сон 9. Сохранить как	96
10. Видение Гражины	107
Сон 11. Kot nie ma Ali	117
Сон 12. Чулан	128
Сон 13. Правдивая история о лососе	135
Сон 14. Я люблю тебя	151
Сон 15. Голем	168
16. Лирическое преступление	180
Сон 17. «Сонное царство»	189
Сон 18. Позволь мне хоть раз выжить	198
Сон 19. Господин Корсак	207
Сон 20. Ни к селу ни к городу	212
Сон 21. Литургия	224
Сон 22. Professional	229
Сон 23. Францишка	243
Сон 24. Как по писаному	249
Сон 25. Боженька на расстаньках	260
Сон 26. Дол овес В	271
Сон 27. Мары	281
Сон 28. Темный силуэт	292
29. Интерлюдия	301
30. Инсомния	312
Сон 31. Плейсхолдер	328
Заключение	345
Использованная литература	347

Предисловие

Весна для пана Корсака наступала, когда зацветала мирабелька.

Вернувшиеся певчие птицы, разливающиеся разногласицей над зеленеющими скатертями пригорков, широкие ленты пашины с будущим урожаем, перемежающиеся полосами занимающегося клевера, — все было предчувствием, все было упоением, но только это деревце — началом отсчета. Соки земли наполняли коричневые веточки, сонные крохотные почки завязывались белыми трогательными кулачками, потом, как по волшебству, разжимались пятернями лепестков, оборачивались тонкими цветами, будто вырезанными из облатки, с любознательными тычинками, источающими нежный, волнующий аромат: таких духов нет ни у Ралле, ни в парфюмерных лавках Вильны. Каждый год пан Корсак думал: бывает ли что-нибудь прекраснее?

Когда зацветала мирабелька, это было как обещание. Дальше все будет по-прежнему.

Со времен Великой эмиграции многие дома пустовали, многие сады одичали, но пчелы по-прежнему опыляли деревья, а в детской по-прежнему стояла колыбель.

Мирабелька у пана Корсака была хорошая, крепкая, еще невысокая, но уже статная, как девица на выданье,

и старый Янчевский из зависти твердил, что это не благородная слива, а дикая алыча. Понимал бы он что. Пану Корсаку привезли молодое деревце аж с самой Лотангринии... Лонагирнии... забыл название, откуда-то от французов. Домашнее деревце только с виду похоже на придорожную простушку или дикий кустарник у пруда. Листья мирабельки круглее, нет тернистых, колючих сучков, плоды не желтые, а краснобокие, косточка прекрасно отделяется от мякоти, а главное, вкус. Кто хоть раз лакомился этой душистой, сладкой, без малейшей кислинки сливкой, тот никогда не назовет ее некультурной алычой.

Пан Корсак недовольно глянул в сторону построек соседского двора, кичившихся золотом новых соломенных кровель, но саду Янчевских похвастаться было нечем, ни один кустик не белел вдали. А его мирабелька уже стояла в саду, тоже еще полным голых деревьев и худосочной травы, такая самодостаточная и веселая!

Пан Корсак с трепетом коснулся белого лепестка своим коричневым пальцем. Цвету в этом году что пуха в перине. Мирабельке было столько же лет, сколько старшей дочери.

— Франю! — окликнул он ее со двора. — Заневестилась!

Францишка выглянула в окно с видом на тенистый садик, радостно захлопала в ладоши, поспешно вытащила из шуфлядки толстую тетрадь, на форзаце которой вредный Янек поставил кляксу, аккуратно вывела сегодняшнюю дату.

3.V.1891

В школе по-польски писать запрещали. Чтобы не забыть язык, пани учительница предложила ребятам вести дневники. Но о чем писать, когда эти тугие, как молочная пенка (фи!), дни толпятся близнецами в календаре с понедельника по пятницу, тают белесыми полосками тумана и последнего снега на пашине, путают сонные утра с догорающей зорькой, растекаются чернильными реками на занятиях в классе, вязнут в паутине домашних дел, в пререканиях с Янеком, в мечтах о лете... Только о лете и стоит писать. К сожалению, будет значительно больше хлопот по хозяйству, работы в огороде, в поле, в лесу, но закончится эта глупая арифметика, и примеры на деление, и страх, что вызовут к доске, — все это она описывала короткими предложениями и удивлялась, до чего же однообразна и бессмысленна ее жизнь, никаких чудес. Вот всегда желтые цыплята вылупились из всегда белых яиц, вернулись всегда черные грачи и, по обыкновению, длинноклювые аисты, сумерки всегда были синими, закаты — всегда багряными. Ладно, иногда розовыми. Но все часы, дни, месяцы казались Францишке унылыми и бесполезными, и когда она начинала вслух желать хоть каких-нибудь происшествий, мама одергивала ее, говоря, что глупая девочка своей болтовней может накликать беду.

Франя на мгновение засмотрелась в окно на дмухавцы, рассыпанные, точно веснушки, у калитки, которую отворяла кузинка, потом вывела в тетради торопливой, но аккуратной латиницей:

3.V. 1891

Сегодня зацвела слива. Вот Ванда-то удивится

— и замерла, не отважившись поставить восклицательный знак, потому что его палочка всегда стремится некрасиво слиться с точкой. Выжидая, пока высохнут чернила, она решила, что дневник лучше прятать куда-нибудь с глаз долой, ведь Янек растет, уже умеет читать и всюду сует свой нос. В шкаф, например? Туда, где хранятся ее нижние юбки, он в жизни не полезет.

Франя провернула в дверце шкафа ключик, который, впрочем, никогда не вынимался из скважины, подошла к окну и распахнула его. Оглушительно завопил петух.

Когда она высунулась наружу, солнце, повисшее на лысоватой макушке старой груши, довольно нахально уставилось на нее, ослепило и заставило зажмуриться; день обещал быть теплым. И необязательно нудным. Хотя в книжках и было иначе. С приключениями, чудесными открытиями и без куриного помета под окнами. Но скоро лето, а значит, будут озеро, костры, ягоды с кушта, выгоревшие волосы, коричневые лопатки, ночевки на сеновале, звездопады!

Отец что-то объяснял Ванде, широко раскинув руки. Она как будто смеялась, Фране известны эти ее ямочки на щечках, но вытирала ладошками глаза, точно и плакала тоже. Почему они говорят так тихо?

Францишка прислушалась, но выхватила только отдельные слова, что-то о баррикадах и героях, а Ванда не торопилась войти в дом, наполняющийся все более

настойчивым и требовательным хныканьем проснувшейся в соседней комнате Ани.

Франя выскочила на крыльцо, вихрем пронеслась мимо Мухи, едва не наступив ей на хвост, спрыгнула с последней ступеньки, взмахнув своими жидкими косичками.

Отец рассказывал Ванде, как в детстве пролил «во-о-от такой океан слез», когда читал про смерть Гавроша. Ах, вот оно что. Эту историю девочки знали наизусть.

Ванда сморщила некрасивое личико, вспомнив о своем, и сказала Фране:

— Такая прекрасная поэма эта «Гражина». Реву теперь, как ненормальная. Тебе тоже нужно.

Сон 1. Площадь Героев

— Мне скоро уезжать. А я, кажется, заблудилась, — ответила я.

Лед безбожно таял прямо на глазах.

— Я нашел тебя. А если грустно и не хочется уезжать, то-о... не надо уезжать!

Он говорил по-русски, я даже не успела удивиться.

Нарочито медленно и вальяжно, как мне показалось, он присел рядом, скрестил руки и вытянул длинные ноги в узких джинсах и выдавших виды кроссовках. Мимо нас сновали прохожие: чаще всего беспечные, юные и счастливые. Образцовая семья с прыткими детьми на скейтах. Длинноволосая дева с цепями на поясе и обвесами на сумке. Серьезные подростки с пайетками на одежде и рюкзаках. Нельзя было определить их пол.

В воздухе носились особые движения, бестелесные мельтешения и возбуждение, присущее ранне-осеннему вечеру. Деревянная скамейка, на которой мы сидели, утопала в зарослях жимолости, образующих вместе с головокруглительно ароматными кустами лаванды и розмарина впечатляющую живую изгородь.

Мне захотелось взглянуть на его лицо, но я передумала. Не решилась. Уставилась прямо перед собой на монументальный высокий памятник, окруженный клумбой с невразумительными чахлыми кустиками. На эту клумбу кто-нибудь то и дело заходил, вставал в позу перед своими друзьями — меланхоличными фотографами, жажда запечатлеть себя и мгновение, несмотря на неверное пятичасовое солнце, оставляющее блики на лицах. Все они походили на цветные кляксы. Моя близорукость неизменно размывает черты и силуэты, будто кто-то стремится стереть их тряпкой. Причем не очень чистой.

Кому посвящался памятник, я даже не пыталась угадать: усатый мужчина сидел с книгой в руке, склонив кудрявую голову и выставив вперед левую ногу, — он был похож на Шевченко и Горького одновременно, но откуда бы им здесь взяться. Вероятно бронзовый, старый монумент гармонично вписывался в окружающую зелень: костюм мужчины покрывала ровная патина цвета морской волны. Я предпочла молча истреблять свой ягодный лед, откусила решительно, так, что заныли зубы, а потом, гадливо потирая липкие пальцы, мысленно утешила себя тем, что скоро их вытру. Влажные салфетки в сумке. Сумка на коленях. На сумке превращались в пюреобразную кашу еще два фруктовых десерта в полиэтиленовом пакете. Апельсиновый и с ароматом лайма.

— Рас-пуга-ли порт-рети-стов в старом парке web-дизай-ном, вскользь нару-жна-я рекла-ма, — чеканили его наушники так громко, что я разбирала слова.

— Ты — самая печальная девушка из всех, кого я сегодня видел. А может, из всех, кого я вообще видел. Велю тебе отныне веселиться и никогда не грустить. Нельзя есть мороженое с таким обреченным видом, улыбнись! — он сказал.

Я мысленно пошутила про «славик фейс», который часто не имеет никакого отношения к печали, но промолчала.

— ...Скотчем у-плотня-ем не-рвы, та-ют ма-ем все резе-рвы, — продолжал Пугач.

— Ты как — скотчем предпочитаешь уплотняться или джином? Я зерну предпочитаю фрукты, поэтому за «Токай», но вообще чаще за белое сухое.

Терпкий запах розмарина смешался с кедровой отдушкой его одеколона. Розмарин рос еще... где? И одеколон знакомый...

Парфюм — теперь говорят «парфюм», вечно ты.

У меня закружилась голова. От нереальности происходящего.

— Может быть, вы поможете мне съесть это? Он как раз фруктовый. — Я потыкала пальцем в пакет. — Жаль выбросить. Ладно, никакой он не фруктовый, обыкновенная вода с красителями и консервантами. Но она растечется в мусорнице...

Он улыбнулся, я почувствовала его улыбку, хотя смотрела в противоположную сторону, на девушку, которая спускалась по ступенькам позади памятника, расчесывая длинные темные волосы, довольно беспощадно расчесывая, не заботясь о том, что может им навредить.

— Давай. Я не люблю мороженое, но, так и быть, спасу тебя.

Он уверенно перетянул пакет со льдом с моих коленей на свои.

— *When you were here before*

Couldn't look you in the eye, — запели его наушники.

— Зачем ты столько купила?

— Из жадности... Хотела попробовать. Ну и потратить мелкие форинты. Но сейчас в этом раскаиваюсь.

Я посмотрела на него. Наконец-то.

Лицо было такое знакомое, словно из давнишнего сна, с такими же густо-серыми глазами, как у меня. В остальном оно было обыкновенное. Хотя и симпатичное. И, к счастью, очень молодое. Нет, я подумала: к сожалению. Только потом заменила мысленно антонимом.

— Теперь мне холодно. Нужно было пойти куда-нибудь и купить чай. Но я боюсь ходить одна. В незнакомых городах.

Мы смотрели друг на друга. Я видела четкий контур его бровей, родинку на щеке, каждый волосок трехдневной (?) щетины, я думала о том, что он сидит слишком близко. И, в свою очередь, видит излишне много на моем лице.

Но он просто улыбался, как старый знакомый. Будто вступительные титры давно прошли, и это была уже середина истории. Не обязательно нашей, возможно, кого-то из прошлого. Мы принадлежали этому моменту, но он не принадлежал нам. Я сидела и ела фруктовый десерт, не испытывая неловкости

рядом с незнакомым человеком. А через несколько часов мне предстоял тяжелый перелет в одиночку с пересадкой в филиале моего персонального ада — стамбульском аэропорту.

Рядом с его ногой внезапно спланировала кепка. Шлепнулась, глухо стукнув козырьком об асфальт. Мальчишка лет двенадцати споткнулся и упал в нескольких сантиметрах от нас. Я невольно вздрогнула. Подалась вперед, чтоб помочь ему. Но ребенок моментально поднялся и унесся прочь.

Тем временем он невозмутимо забрал у меня из рук обертку.

— Я думал, ты собралась в Националку.

— Куда?

— В музей. — Он кивнул на здание сразу за памятником, белоснежное и величественное, с колоннами и парадной лестницей, на ступеньках которой сидели люди. — Только он, наверное, скоро закроется.

— Я успела побывать в музее... Другом. В Вайдахуняде. Правда, я думала, что это замок с королевскими палатами...

— А там — бац! — коровы... — Он засмеялся. — Значит, ты турист!..

На самом деле я была рада, что таким неожиданным образом попала в сельскохозяйственный музей. Там я узнала все, что могло пригодиться мне для будущей книги.

— Я уезжаю через шесть часов... — Я достала влажные салфетки себе и ему, посмотрела на часы. — Через пять часов сорок пять минут.

Он вытер руки каким-то отработанным движением, тщательно, точно автослесарь после тяжелого рабочего дня, бросил наши использованные салфетки в пакет, к оберткам, палочкам от мороженого и еще одному нетронутому льду.

Поднялся и ушел.

Иди тоже, иди, сказала я себе. Продолжая сидеть как прижитая и смотреть на удрученного мужчину-памятник напротив. Люди сновали все реже. Несколько китайцев вышли из музея, их речь распадалась на слоги и звучала как звон посуды. Девушка с дредами прошла, виляя задом и болтая по телефону.

И когда он вернулся, избавившись от мусора, снова скрестив руки на груди и спокойно глядя на меня сверху вниз, у меня защекоталось в носу.

— Так не бывает. Ты не можешь уехать. Мы же только что познакомились. Пойдем, я тебя нарисую.

Не в силах больше выносить его взгляд, для разнообразия я поизучала его белую футболку с яркими кляксами разноцветной краски на груди. Вероятно, ручной работы.

— Нет. Я не хочу, чтобы меня рисовали.

— Веришь, что художник может случайно запечатлеть твою душу?

Он снова присел на скамейку.

— *She's running out again,*

She's running out

She's run run run running out... — сообщили его наушники.

Время, подумала я.

— А чего ты хочешь?

— Петь.

Он расплылся в улыбке.

— Заметано, что поем?

— Я не буквально, я часто хочу петь.

— Но я могу устроить.

— Мне пора. — Я покачала головой. Поднялась как можно беспечнее, кивнула на памятник. — Кто это?

— Это поэт... Янош Арань.

— К своему стыду, не знаю такого поэта.

Он пожал плечами.

— Местная знаменитость... и достопримечательность.

— Хорошие стихи?

— Не знаю, я не любитель.

Он пошел со мной рядом, будто это было само собой разумеющимся.

— Как же так вышло, что ты здесь одна?

Мы перешли на другую сторону улицы. Здесь я точно раньше не была. Он выключил музыку.

— Честно говоря, я не одна. Просто часть моих друзей сейчас где-то в центре Пешта наслаждается шопингом в мегамоллах, а остальные где-то в сердце Буды любят историческими достопримечательностями...

— А ты?

— А я раньше всех улетаю... И не хочу им мешать.

— Или чтобы они тебе мешали... Как я, например... — сказал он. Приостановился. Щелкнул зажигалкой. Протянул мне пачку.

— Я бросила десять лет назад.

Он недоверчиво фыркнул.

— Здесь вообще можно курить? — Я посмотрела на него снизу вверх: в профиль, затягиваясь, он напоминал какого-то актера.

— Только вейпинг запрещен. — Он выпустил дым, шкодливо улыбнувшись.

Уже слишком поздно звонить кому-то. Все или ужинают, или тоже прощаются с городом. Самое главное сейчас — не заблудиться окончательно, уйдя в противоположном направлении. А потом — я никогда никому не расскажу об этом.

Когда я свернула на очередную пустынную улочку, он, мгновенно избавившись от окурка, фамильярно придержал меня за локоть, и сумочка сползла с моего плеча.

— Куда мы идем?

— В гостиницу, конечно.

— А находится она... — Он смотрел мне прямо в глаза, подняв брови, так, как смотрят на ребенка, у которого хотят выбить признательные показания.

— На площади Героев. Там еще станция метро... В моей транскрипции читается как «носок»...

— Хёшёк тере (*Höšök tere*), — сказал он без тени улыбки. — Ясно. Я знаю, где это.

Он уверенно вывел меня на улицу Вацы, где я уже бывала, и мы молча пошли вдоль столиков кафе, которые не заканчивались, перетекая из одного в другое. Менялись только маркизы на террасах, цвет зонтиков, растения в кадучках и посетители.

Я чувствовала, как уходящий день наваливается на меня всей тяжестью. Он был похож на книгу,

написанную красивым языком, которую скоро нужно вернуть владельцу. Вместо того чтобы цедить удовольствие по абзацу, ее приходилось читать залпом, перелистывая по две страницы. Такой, без сомнения, готический любовный роман, один из тех, которыми я зачитывалась подростком, в душе презирая себя за то, что бездарно изменяю серьезной литературе. Там нет места низменному быту, проблемам отцов и детей, семейным передрягам, срокам, дедлайнам, погоне за деньгами, немытой посуде, непостижимости бытия и прочей безысходности. Есть только таинственный незнакомец, который появляется в соответствующих декорациях, чтобы полюбить главную героиню или погубить.

Я больше не шла по улице, а балансировала на краю реальности среди сказочно прекрасных домов, витрин, иллюминации. Благородные стены и древние камни на другой стороне Дуная засияли в свете вечернего солнца новыми красками, всей палитрой желтого, розового, бежевого.

— Ноги болят? — поинтересовался он.

Что-то выдало в походке. Действительно, немало болели. Не знаю, сколько тысяч шагов я прошла за последние дни. Его слова спустили меня на землю и вернули разочарование собой. Я не могла избавиться от ощущения, что все испортила сегодня. Слишком нервничала. Не успела сконцентрироваться. Была бездарно несобранной на встрече с читателями в знаменитом выставочном центре Милленариш. Совершенно не была готова к вопросам. Слова модератора рассыпались и испарялись

в воздухе. Я пыталась сложить их заново, но они теряли смысл. *Что для вас История?* Действительно, что? Что я ответила за отведенные мне тридцать секунд в микрофон, который прилип к вспотевшей от страха ладони? Я не помнила.

Он взял меня за руку. Как будто имел право. Впрочем, все равно, решила я. Это даже забавно. Всю дорогу до подземки я смотрела по сторонам, думая о том, что, вероятно, никогда больше не побываю в этом городе. Всю дорогу мы шли так, будто этот путь никогда не закончится.

В самом комфортном метро в мире, в одном из его игрушечных вагончиков, нашлось для меня место. Мы ехали по желтой ветке, из названий которой я понимала только одно — в честь геометрической фигуры.

Он невозмутимо стоял рядом, как телохранитель. И так же невозмутимо вышел за мной на нужной станции.

— Знакомое местечко, — сказал он, — не знал, что здесь реконструкция.

Колонна с архангелом Гавриилом и еще половина площади Героев были в строительных лесах и зеленой сетке. Рабочих за эти дни я ни разу не видела и испытывала досадное чувство, точно перед моим приездом Гавриила специально скрыли от меня. Немного печалило то, что я так здесь и не сфотографировалась.

— Вы собираетесь провожать меня до холла гостиницы? — поинтересовалась я.

Он засмеялся.

— Такое старинное слово: хол-л-л-л... Я сто лет его не слышал. Никто не говорит: в холле гостиницы. Все говорят: в лобби отеля.

— То есть вам тоже кажется, что меня не существует?

Нас обогнала влюбленная легко одетая парочка. Рука юноши, поглаживающая девушку ниже спины, была цвета морской волны, как Янош Арань. Миопия не оставляет шанса разглядеть издали детали татуировок.

— Придется признать, что я довольно часто разговариваю сам с собой. Так что все возможно.

И он снова взял меня под руку.

В этом было нечто демонстративное, покровительственное и пугающее одновременно. Но я так и не высвободилась. Шла, старательно пытаюсь разыграть беспечность. Точно мы вместе. Два скверно прописанных героя на исторической площади.

Небо висело опрокинутой серой тарелкой сомнительной чистоты. Поднялся ветер. Под ноги бросались детали и подробности дороги вроде радужных пятен бензина на асфальте, зыблящегося пакета у фундамента дома, рыжего кота, прошмыгнувшего за угол.

На уютной террасе возле гостиницы никого не было. Никто не застукал меня с поличным.

Вопреки ожиданиям, он не попрощался у входа, не присел на диван в холле, а немного навязчиво пошел следом к стойке регистрации.

— Раз уж вы здесь... Знаете, я совершенно не говорю по-венгерски...

— Даже я еще говорю так себе, — улыбнулся он.

— И по-английски тоже. А мне нужно вызвать такси... Я уже выселилась, только заберу чемодан. Сможете устроить?

Чемодан стоял в подсобном помещении — одинокий, синий, прилично потрепанный своей дорожной жизнью. На ручке болтался ярлык с моим именем, на всякий случай.

Он взглянул на него, снова недоверчиво фыркнул, как тогда — я поставила галочку, — когда мы переходили через дорогу и заговорили про сигареты.

— Ка-а-ак тебя зовут? — Он преградил мне путь и перехватил ручку чемодана. Колесики мягко заскользили по мраморной поверхности пола.

— Так вы попросите вызвать такси? — Я предпочла оставить его в изумлении.

— Я вызову сам, — ответил он, и я занервничала. Не могла целиком довериться незнакомцу. Теряла контроль над ситуацией. Однако, произведя, вероятно, несложные манипуляции в приложении телефона, он действительно вызвал такси. Ему пообещали, что машина подъедет через пять минут, и мы вышли на улицу.

— У меня остается мало времени. Теперь я уже не заблужусь. — Я старалась говорить как можно игривее. — В аэропорт провожать меня вовсе не обязательно. — Мне казалось это хорошей шуткой. — Спасибо, что скрасили этот вечер.

Он достал сигареты, вытащил одну, посмотрел на меня и снова сунул сигарету в пачку.

— Ты даже не спросила, как меня зовут.

— Мне кажется, так лучше.

- Меня зовут Кирилл.
- Вы не похожи на лирического персонажа.
- В смысле?
- Разве вы не читали свое имя справа налево?

Он задумался, нахмурил брови. Посмотрел на дверь гостиницы, будто там было написано его имя наоборот. А потом засмеялся так, как смеются счастливые люди, которые узнали все тайны и отгадали все загадки, и я подумала, что никогда не видела улыбки красивее.

- Не читал справа налево! С ума сойти!

Он решительно опустил ручку чемодана вниз до щелчка. Провел ладонью по лицу, точно не верил в происходящее.

Я тоже не верила. Особенно когда он наклонился и поцеловал меня. Когда наши языки соприкоснулись, подо мной моментально разверзлась пропасть.

Хорошо, что тут же подъехала машина, одна из многих, в которых я не разбираюсь. Я слушала, как неверно бьется в груди сердце-птица, и, наверное, впервые за много лет пожалела, что не курю.

— Такси, — он сказал и покати́л чемодан, не обора́чиваясь, вообще не обра́щая на меня внимания.

Водитель вышел и как-то неестественно зашаркал по асфальту, точно поплыл, к багажнику, немного изгибаясь и покачиваясь, подчиняясь какому-то внутреннему ритму, — может, профессиональный танцор самбы? Они уложили мой чемодан, и Кирилл предусмотрительно открыл передо мной заднюю дверь.

— И я. — Он уверенно нырнул следом, мне пришлось подвинуться.

Мы выехали на улицу с аккуратными пряничными домиками, которые никак не получалось вообразить многоквартирными жилищами с людьми из плоти и крови, домики сменяли друг друга, перекраивали перспективу, и Кирилл как будто растерял все слова или оставил их у гостиницы, потому что они больше не были нужны. Его молчание оказалось лучшим и самым душевным откровением. А ведь я уже было решила, еще там, у памятника Араню, что с ним все ясно. Но, кажется, он просто опасался, что без слов, немногочисленных и все же глупых и ненужных, я встану и уйду, растворившись в подворотнях Будапешта.

Пока мы ехали, таксист немного покачивал головой в такт песне, которая утверждала из динамиков: *I'll always remember us this way*, и, когда по стеклам побежали безутешные, безысходные слезы, размазывающие теплый дрожащий свет многочисленных габаритных огней, я подумала, что непредусмотрительно глубоко похоронила в чемодане зонт и эта оплошность дорого мне обойдется. Есть ли на свете что-нибудь хуже дождя.

Ветер еще. Не знаю, что я не выношу больше. Факт, о котором не станешь рассказывать первому встречному, да что там, даже самому близкому не станешь. Очень неромантично — не любить дождь и ветер. Такое лучше скрывать.

Одним словом, больше всего на свете я ненавижу непогоду, поэтому перестала смотреть в окно. Дворники беспомощно кряхтели на лобовом стекле. Я стала разглядывать его руки. Нора как-то сказала,

будто в юности я утверждала, что невозможно влюбиться в мужчину, у которого короткие толстые пальцы. Я этого не помню, какая, оказывается, я была снобка. Как по щелчку, Кирилл тут же накрыл своей очень красивой ладонью мою. Этот жест оказался вдруг значительно интимнее недавнего поцелуя. Большим пальцем он несколько раз провел по моему обручальному кольцу, точно желая наверняка удостовериться в его существовании. Или проверяя его на прочность. Но я не успела опомниться, потому что мы приехали в аэропорт, почему-то слишком быстро приехали, как мне показалось. Я сунула лиловую и две синие купюры с какими-то королями водителю, и он уже не танцевальной, обычной торпливой походкой вышел из машины и побежал к багажнику.

Кирилл убрал руку, вышел из машины тоже, остановился у дверцы. Дождь каменного цвета заструился по его волосам, лицу, белой футболке с яркими пятнами и джинсам. Он стоял красочным изваянием на монолитном фоне, глядя на меня точно так же, как там, возле Национального музея, сверху вниз. Водитель уже поставил к его ногам чемодан, а я все сидела, точно что-то еще должна была сделать, точно только эта машина могла обо мне позаботиться. Опомнившись, неловко поползла к выходу, обрадовалась своим брюкам. Хороша бы я была сейчас в платье.

Дверца захлопнулась. Сердце запнулось. Меня окатил ушат хляби небесной. Водитель умчался от нас стремительно, как от прокаженных.

Резко потемнело, день умирал на глазах. У входа в аэропорт никого не было, все спрятались, не желая мокнуть.

Мы побежали, дождь бурно рукоплескал нашему забегу. Чемодан плыл за Кириллом, как синий кит на веревочке.

Двери гостеприимно распахнулись, и мы оказались на суше. На распутье: налево пойти? направо пойти? Терминал 2А. Терминал 2В. Длинные кишки-тоннели. Я бессмысленно разглядывала спешащих на регистрацию. Кирилл поставил чемодан у стенки и неожиданно обнял меня. Ожидаемо обнял. Одной рукой, со спины. Привлек к себе, как ребенка, которого нужно усмирить. Мимо проходили уставшие мокрые люди. Самыми мокрыми были мы.

— Гражина... это псевдоним?

— Нет. Так меня зовут на самом деле.

— Никогда не слышал такого имени...

— Это имя придумал поэт Мицкевич, назвал им отважную героиню своей поэмы, а родители зачем-то назвали так меня.

— Значит, мы земляки. Я сразу понял... Все другие, но не ты. Мне нравится твое имя. Похоже на драже. На драгоценный камень. На кураж и гранж.

Я хотела высвободиться из его объятий, но это было бы точкой. Что-то не позволяло поставить ее вот так. Может быть, запятые дождя на его плечах.

— Откуда вы свалились на мою голову...

— Я — здесь живу, почти семь лет. Свалилась откуда-то ты.

— Что же нам теперь делать...

— Поехали куда-нибудь, поедим, например. Только не фруктовый лед.

— Мне пора, там регистрация уже открылась. И вы... дождь почти перестал...

Влажные туфли неприятно впились мне в ступни. Я чувствовала их мертвую хватку. Они приковывали меня к полу.

— Разве ты можешь улететь?

Меня зазнобило. Сырая одежда облепила наши тела.

Он поцеловал меня так, что дыхание перехватило.

Я подумала о том, могла ли бы я не улететь, взять и совершить такую величайшую глупость. Моя командировка была оплачена в обе стороны, виза заканчивалась через две недели, до моего дома почти 1300 километров. И главное, у меня очень мало денег. Хотя и это было не главное.

— Если ты уедешь, ты совершишь величайшую глупость, — сказал Кирилл.

Сон 2. Вот эта девушка

Дрель сверлила мне голову. Или шуруповерт. Или перфоратор. Никогда не был силен в этих штуках.

Я попытался открыть глаза, стряхнуть с себя темноту. Молочно-серый воздух трещал по швам. Пространство вокруг выглядело неубедительно. Будто рыбина, пойманная на крючок, я попытался осознать свою форму. Подергал конечностями. Получилось довольно бессильно.

Я ли это вообще или чей-то замысел? Очертания, вырастающие из мутных пятен, — предметы или только мой домысел? Разрыв матрицы. Ключья сознания, растекающиеся по полу. Из щели в стене, прямо по центру, в комнату пыталась проникнуть полоска света. Что-то потустороннее, нервное. Эта полоска аффектированно дергалась в неверных попытках пробраться в помещение. Должно быть, сегодня облачно, подумал я. Удивился и обрадовался, что способен думать. И тут же с липким страхом перед лицом неизвестности попытался вспомнить, какое сейчас время года. Включить критическое мышление не получилось, зато снова включился шуруповерт. Винтик в виске активировал воспоминания. Механизм